

**Отзыв
официального оппонента по диссертации Татьяны Леонидовны Вилкул на тему:
«Хронографічна складова домонгольського київського літопису та походження
давньоруських хронографів», представленной на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.06 – історіографія, джерелознавство,
спеціальні історичні дисципліни**

Диссертационное исследование, представленное Т.Л. Вилкул, является еще одним подтверждением, что киевская источниковедческая школа является одним из ведущих мировых центров изучения древнерусского летописания. Здесь наряду с сохранением и развитием лучших традиций летописеведения, реализованных в трудах П.П. Толочко, Н.Ф. Котляра и др., формируются и апробируются самые современные методы работы с летописными источниками.

В основе данного исследования лежит довольно элегантная рабочая гипотеза, подвергающая сомнению традиционную точку зрения на завершающий этап формирования раннего летописания Древней Руси, согласно которой в Новгородской первой летописи сохранился текст (так называемый Начальный свод), непосредственно предшествующий Повести временных лет, дошедшей до нас – с большими или меньшими изменениями – в Лаврентьевском, Ипатьевском и близким им списках. По мнению соискательницы, предположительно в XIV или XV в. текст Повести был переработан: несколько сокращен и, одновременно, дополнен вставками из хронографических сочинений. Эта переделка как раз и нашла отражение в начальной части Новгородской первой летописи. Такую точку зрения в той или иной степени разделяет ряд современных авторитетных исследователей древнерусского летописания (А.П. Толочко, Д. Островский, А.Г. Бобров и др.). Однако до настоящего времени дело ограничивалось отдельными (порой весьма интересными и важными) наблюдениями и предположениями, но данный тезис не получал систематического обоснования.

Именно такое доказательство и является стержнем исследования Т.Л. Вилкул.

Первые две главы диссертации посвящены общим вопросам: историографии (которая чрезвычайно внушительна и насчитывает около 400 публикаций на украинском, русском, английском, немецком и польском языках) и мощной (свыше 100 текстов, в том числе 26 неопубликованных) источниковой базе (гл. 1), а также методологии и методике исследования (гл. 2). Опорой для него стало текстуальное сличение летописных текстов с текстами полных переводов византийских хроник (Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкела) и исторических сочинений (Александрии, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия), а также их хронографических компиляций с текстами летописных списков, отразивших, по общему мнению, наиболее ранние этапы формирования

летописной традиции – Новгородской первой летописи, Лаврентьевского, Ипатьевского и близких им. Такое сличение становится в данном исследовании основным инструментом верификации традиционных гипотез и реконструкций ранних этапов развития историописания на Руси (с. 44). При этом хронографические тексты использовались в качестве «контрольного материала».

Особое внимание уделено уточнению терминологии, которая используется в работе. Так, автор тщательно разводит понятия «текстологии», «критики текста», «литературной критики» («критики высшего уровня»), «текстуальной критики» («критики низшего уровня») (с. 83–84) и т.п. Не обходит она вниманием и разнотечения в обозначении конкретных списков и редакций хронографических компиляций – как реально дошедших до нашего времени, так и гипотетических (с. 27 и след., 49 и след.), что позволяет в дальнейшем снять целый ряд противоречий.

Логика доказательства выстраивается Т.Л. Вилкул следующим образом.

На основе тщательного текстологического сличения текста начальной части Новгородской первой летописи с текстом Хроники Георгия Амартола доказывается, что, вопреки утверждениям А.А. Шахматова, новгородский летописец использовал эту хронику. Дальнейшее текстологическое сравнение текстов летописей с дошедшими до нашего времени текстами хронографических компиляций показывает, что в Новгородской первой присутствуют также цитаты, отдельные выражения и сюжетные заимствования из хронографов, следы которых в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (т.е., в Повести временных лет) проследить не удается.

На этом основании делается вывод, симметричный выводу А.А. Шахматова. Тот – вполне логично – заключал, что удалить все цитаты из Хроники Георгия Амартола (которая, как он полагал, не использовалась создателем Начального свода) в Повести временных лет (в том числе, немаркованные) было невозможно и, главное, бессмысленно. Поэтому текст Новгородской I летописи, в котором они отсутствуют, первичен по отношению к текстам, сохранившимся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в которых Георгий Амартол цитировался.

Теперь же, когда оказывается, что текст Новгородской I летописи помимо выдержек из Георгия Амартола содержит цитаты из источника (источников), которые не привлекались составителем Повести временных лет, точно на таком же логическом основании делается вывод прямо противоположный: текст этой летописи вторичен по отношению к тексту свода, сохранившемуся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Вывод, практически, безупречный.

Все эти вопросы рассматриваются в третьей главе диссертации («Хронографічні складові Повесті временних літ»).

Правда, не все текстуальные параллели, приведенные здесь Т.Л. Вилкул, представляются в равной степени безусловными и однозначными. Если прямые текстуальные заимствования вполне убедительны, то микроцитаты и сюжетные параллели (в частности, из Хроники Иоанна Малалы), выявленные автором исследования, порой порождают сомнения. Впрочем, и выводы, к которым приходит соискательница на основе последних, достаточно осторожны: речь идет, на ее взгляд, о том, что Хроника влияла на лексику и репертуар создателя Повести, но не снабжала его новой фактической информацией (с. 143).

Наименее убедительными в этой главе представляются рассуждения по поводу происхождения прямых хронографических (годовых) дат начальной части Повести времененных лет. Эта тема выходит далеко за рамки проведенного соискательницей исследования и нуждается в гораздо более серьезном рассмотрении. Показательно, что за последние 70 лет была предпринята лишь одна серьезная, хотя и не вполне удачная, попытка разобраться в хитросплетениях ранних датировок и систем летосчисления, которыми пользовались создатели Повести. Речь идет о докторской диссертации и монографии С.В. Цыба, на которую ссылается Т.Л. Вилкул.

Основания для разбивки исходного монотематического рассказа летописи на годовые статьи и расстановки «задним числом» годовых дат – одна из загадок Повести, которая требует особого рассмотрения. И ограничиться здесь всего несколькими датами, как это делает автор, невозможно, да и неправильно. Все прямые хронографические и календарные указания должны рассматриваться в комплексе и, в то же время, каждая из дат (и не только ее происхождение) нуждается в отдельном анализе. Иначе выводы, которые будут получены, невозможно верифицировать, поскольку из ложной посылки (если та или иная дата окажется ложной) может следовать как истинный, так и ложный вывод. Так, скажем, дата смерти князя Ярослава Владимировича, которую автор берет в одном случае в качестве опорной («Если идти от твердо установленных дат, например, года смерти Ярослава Мудрого в 1054г., тогда “от смерти Ярослава до смерти Святополка лет 60” дает 1114 г.» – пишет она на с. 191), вовсе не так однозначна, как ей представляется (или как она представляет читателю), и вызывает серьезные дискуссии у специалистов.

Впрочем, даже в этом вопросе соискательница намечает несколько интересных направлений поисков.

Однако сама по себе «вторичность» текста Новгородской I по сравнению с текстами летописей Лаврентьевской и Ипатьевской еще не является показателем того, когда была сделана переработка Повести.

Выяснение этого вопроса заставило исследовательницу провести дополнительные исследования, которые, хоть и являются вспомогательными по отношению к решению ее основной проблемы, представляют серьезный самостоятельный интерес.

Прежде всего, автору на основании текстологического анализа удалось вполне убедительно показать (гл. 4 «Київський літописний звід початку XIII ст. та його хронографічні джерела»), что до начала XIII в. в так называемом Киевском своде хронографические компиляции не использовались, что косвенно может свидетельствовать о более позднем создании последних (а, следовательно, и более поздней новгородской переработке Повести временных лет). Параллельно была решена (и, кажется, окончательно) чрезвычайно сложная проблема соотношения текстов северо-восточных и южных летописных текстов за XII в., давно уже вызывавшая дискуссии у специалистов по древнерусскому летописанию. На целом ряде примеров хорошо прослеживается «расширение» северо-восточных сообщений киевским летописцем, использовавшим для этого полные переводы Александрии, Хроники Георгия Амартола и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Безусловно, важен и общий принципиальный вывод автора: «Исследователи еще долго будут биться над решением вечной проблемы: что относится к реалиям, а что – к “виртуальному” миру летописца... Пока же можно осторожно предположить, что значительное число летописных сцен все-таки не “списаны с натуры”» (с. 272).

Завершением исследования становится анализ датирующих данных, которые позволяют установить время появления древнерусских хронографических компиляций (гл. 5 «Хронографы: датирующие признаки»). По сути, это – самостоятельное исследование, в ходе которого Т.Л. Вилкул пытается разобраться в хитросплетениях истории древнерусской хронографии. Пожалуй, это – наиболее проблематичный раздел диссертации. Но и тема, которую обсуждает в нем автор, чрезвычайно сложна. Недаром она стала в свое время предметом докторского исследования такого корифея современной текстологии как О.В. Творогов. Работа над данной проблемой была существенно осложнена тем, что до настоящего времени опубликована лишь незначительная часть древнерусских хронографов, большое количество которых рассредоточено по архивохранилищам России, Литвы и Польши.

Естественно, в этих условиях далеко не все вопросы получили исчерпывающее освещение. Автор останавливается на подробном анализе лишь нескольких сюжетов,

присутствующих в хронографах. В ряде случаев перед нами – только своеобразные наброски решения проблемы, определение общего направления дальнейших исследований. Тем не менее, главный вопрос, который стоял перед соискательницей, на мой взгляд, решен достаточно однозначно: появление хронографических компиляций на Руси относится ко времени после начала XII в., и ни одна из них не могла быть использована в тексте, предшествующем Повести временных лет (с. 383). Следовательно, текст, в котором они были использованы, и который мы находим в начальной части Новгородской I летописи, не мог возникнуть раньше Повести временных лет.

Наряду с этим, Т.Л. Вилкул делает ряд интересных и важных общих (пусть, и не бесспорных) замечаний, касающихся идей и техник летописания, а также знаний, которыми обладали древнерусские книжники.

Кажется, здесь можно было бы поставить точку. Однако это будет неверно в принципе. Дело в том, что исследование Т.Л. Вилкул, выводит нас на чрезвычайно важную, интересную и сложную проблему. Как известно, собственно текстологические методы позволяют установить разнотечения, однако не позволяют определить их направленности (что, к слову, еще раз хорошо доказывается в рецензируемом труде).

Доказательства, приведенные в данном диссертационном исследовании, касаются лишь опровержения тезиса А.А. Шахматова, что в тексте до к. XI в., сохранившемся в Новгородской первой летописи, отсутствовали цитаты из Хроники Георгия Амартола, использовавшейся составителем Повести временных лет. Между тем, этим не исчерпываются аргументы, на которые опирались А.А. Шахматов и его последователи в гипотезе о Начальном своде. Однако, эти доводы оказались вне поля зрения соискательницы (в чем ее ни в коей мере нельзя упрекнуть: их критический анализ выходит далеко за рамки задачи, которую она ставила перед собой). Речь идет о явно вставных фрагментах Повести временных лет, разрывающих *прежде логичный и связный* рассказ. Это и договоры Руси с Греками, и легенда о четвертой мести Ольги, и сложный по своей структуре рассказ о выборе вер князя Владимира, а также другие вставные сюжеты, имеющие явно литературное происхождение, и, наконец, абсолютные хронографические даты, вставленные в монотематическое повествование «задним числом» и порой нарушающие даже структуру фразы. Помимо того, есть в тексте Повести и прямые противоречия, и ссылки на отсутствующие сообщения. Все это говорит о том, что Повесть не была *первым* летописным произведением.

Следовательно, вопрос может (и, видимо, должен) быть поставлен и так: поскольку и Повесть, и ее поздняя (как показывает исследование Т.Л. Вилкул) переработка в Новгородской первой летописи не являются первичными текстами, очевидно, им

предшествовал текст некоего иного произведения, следы которого мы можем проследить и в той, и в другой исследуемых группах списков древнерусских летописей. Причем, это произведение (или цепь последовательных произведений) не совпадает по своему составу (и, возможно, по этапам формирования) с теми гипотетическими сводами, которые обосновывал и реконструировал А.А. Шахматов. А значит, нам предстоит большая работа по разработке принципиально новой методики, которая позволит выявить и реконструировать это произведение (или произведения). И в этом, как мне видится, один из важнейших результатов исследования, проведенного Т.Л. Вилкул.

Подводя общий итог, можно с уверенностью сказать: перед нами серьезный труд, в котором поставлена важная научная проблема, намечено и апробировано новое направление изучения древнерусского летописания, которое, несомненно, приведет (уже приводит) к существенной корректировке наших представлений о том, как формировалась и развивалась летописная традиция на самых ранних этапах ее существования. Путь, предложенный Т.Л. Вилкул, представляется весьма плодотворным, хотя и чрезвычайно трудоемким. Он опирается на лучшие традиции текстологического анализа и истории древнерусского летописания, но не ограничивается ими, а дает дополнительный импульс для развития летописеведения, а также изучения древнерусской хронографической традиции – в их взаимосвязи. Высказанные замечания и соображения, на мой взгляд, не могут повлиять на общую высокую оценку этого труда.

Основные положения его неоднократно обсуждались коллегами на самых разных уровнях и опубликованы в ведущих научных изданиях. Автореферат полностью отражает основное содержание диссертации, которая, в свою очередь, полностью соответствует высоким требованиям, предъявляемым Государственной Аттестационной комиссией Украины к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук, а Диссертационный совет, на мой взгляд, имеет все основания присудить Т.Л. Вилкул искому ученню степень по специальности 07.00.06 – Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни.

Доктор исторических наук,
ординарный профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

 И.Н. Данилевский

14.12.2015

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

М.В. ДЫБЦЫНА

